

МЕХАНИК

рассказ

Катер развернулся против ветра, чтобы волна не била в борт.

Снег, мешаясь с брызгами, хлестал по лицу. Капитан держался за поручень около машинной надстройки и старался понять, что означала эта личная

радиограмма?

«Борис Ефимович, если можете, умоляю, повидайтесь со мной. Маша Грачева».

На этом же катере капитан доставил на остров к Сходову супругов Грачевых, решивших вместе остаться на зимовку. Все было улажено. Радист острова согласился уступить Грачеву свое место. Метеоролог Юровский, которого сменила Маша, мог ехать на курорт. Капитан, давая с мостика последнюю прощальную ракету, считал, что он сделал все так, как надо, и вдруг теперь, когда «Георгий Седов» на обратном пути проходил мимо острова, такая радиограмма!

Конечно, можно было сослаться, что прибой не позволяет сойти на берег, но капитан не мог не проверить, что случилось.

Остров был покрыт снегом. Белый и плоский, он походил на ледяное поле.

Волны с ревом разбивались о базальтовые скалы. Пена взлетала выше этих заснеженных скал и в низких лучах солнца играла радугой.

Капитан прыгнул в ледяную воду, не давая катеру близко подойти к опасным камням. Вода оказалась по грудь. На скале стояли два человека. Они сбегали к самой воде и помогли капитану выбраться на берег.

Борис Ефимович откинул капюшон и вопросительно взглянул на Машу.

Маша Грачева заплакала и прижалась к мокрой груди моряка.

— Ну, чего ж ты? — сказал Борис Ефимович. — Робу мне промочишь. Маша откинула голову и посмотрела на капитана мокрыми блестящими глазами.

Грачев стоял в двух шагах. Его лицо было озабочено.

Втроем пошли к полярной станции.

— Вы помните, Борис Ефимович, — говорила Маша, — как я караулила вас у каюты... Стыд меня разобрал. Такие люди в Арктике живут, а я что? Дезертир?

— Помню, помню, Маша. Ну, а теперь-то что? — спрашивал капитан.

— Нет, вы послушайте, Борис Ефимович. Я тогда вас просила, чтобы вы устроили нас обоих на остров...

— Устроил. Велика трудность. Радист с удовольствием уступил свое место такому специалисту, как ваш муж, поехал на другой остров!

— Мы так хорошо работали, Борис Ефимович, — продолжала Маша. — Вы себе представить этого не можете.

— И с Василием Васильевичем сдружились? А я думал, что он трудный человек.

— Василий Васильевич замечательный человек. Только...

— Что только?

— Очень правильный.

— Слишком правильный, — вставил молчавший до того Грачев.

От полярной станции бежали мохнатые собаки.

Они прыгали, пытаясь лизнуть в лицо.

У сарая стоял высокий худощавый человек. Он издали поклонился капитану, не желая, видимо, мешать разговору.

— Так выкладывай, Машенька, что тут у вас стряслось?

Маша потупила глаза.

— Пока еще ничего не стряслось, Борис Ефимович... Я еще не вполне уверена...

— Но может стрястись, — вставил Грачев.

Капитан свистнул.

— Вот оно какое дело? Значит, ребенок у вас может быть? Сами-то рады?

— Еще как рады были бы! — быстро заговорила Маша. — Мы так рады были бы, так рады...

— Ну, так в чем же дело? А как Сходов?

— В том-то и дело, — мрачно сказал Грачев. — О наших подозрениях мы Василию Васильевичу даже сказать боялись.

— Отошлет меня с острова. Не позволит здесь остаться. Врача нет, некому принять ребенка... — взволнованно заговорила Маша.

— Что ж тогда получится? — серьезно рассуждал Грачев. — Предположим, подозрение обоснованное. Уедет тогда Машенька, родит ребенка на острове Диком в больнице. И будет там года два вдали от меня, в трудных условиях, в одиночестве.

— А может быть, все и обойдется. Может быть, тревога напрасная, — опять заговорила Маша. — Что ж я уеду и буду одна на острове Диком за тысячу километров жить? — в голосе ее послышались слезы.

— Вот мы и решили, Борис Ефимович, с вами посоветоваться, — закончил Грачев.

— Но только по секрету от Сходова.

— Благодарю за доверие, дорогие мои друзья, — сказал Борис Ефимович немного торжественно. — Но только должен я вас разочаровать. Такие предположения в секрете от начальника острова держать не полагается. Он за жизнь каждого своего полярника отвечает. И за вашу, Машенька, и за ту, что появиться может...

— Как же быть? — протянула Маша. — Ведь Василий Васильевич непременно меня отошлет. Я ведь в Арктику работать ехала, а не без дела на острове Диком сидеть.

Капитан чуть скосил на Машу глаза. Она покраснела.

— Вот обо всем этом мы и должны с Василием Васильевичем поговорить, — заключил капитан.

Сходов стоял на крыльце, встречая капитана. Видимо, он знал о телеграмме Маши и нарочно дал ей возможность поговорить с Борисом Ефимовичем.

Молча поздоровались. Сходов провел капитана к себе. Борис Ефимович попросил пригласить и Машу с Грачевым. Сходов не удивился.

— Вот должны мы с вами, товарищ Сходов Василий Васильевич, — начал капитан, — решить судьбу...

Тут Маша вмешалась и рассказала Сходову о своих опасениях.

Сходов сидел молчаливый, нахмуренный.

Машенька расплакалась и выбежала...

Грачев пошел следом за ней.

Сходов встал и принялся расхаживать по комнате. Комната у него была тесная. Стол, стул, кровать. Раньше на кровати шкура белого медведя лежала, теперь ее не было — отдал шкуру молодоженам.

— Я отвечаю за каждого человека, — говорил Сходов. — А в этом случае я должен отвечать за двоих. И за мать и за ребенка.

За пятнадцать лет, проведенных в Арктике, я изучил все специальности полярника. Могу быть радистом, механиком, метеорологом, аэрологом, гидрологом. Могу править собачьей или оленьей упряжкой, один выйду на белого медведя, сотни километров на лыжах пройду. Но акушерства не изучал. Не изучал, капитан. Может быть, в этом моя ошибка. Я могу наложить лубки на сломанную ногу, могу даже ампутировать ее... но принять ребенка! Ну, прямо понятия не имею!

— А Машенькой довольны?

— Она чудесная женщина, прекрасный работник. Отослать ее — это значит принять на себя половину ее обязанностей, другую половину примет на себя ее муж... Что же делать? — И Сходов остановился перед капитаном.

Капитан задумался, неторопливо закурил трубку.

В окно было видно свинцовое море под серыми тучами. Очень далеко от берега, покрытый дымкой, виднелся корабль. Капитан подумал, что

ближе и нельзя было подойти. Здесь мелко. Не подходить же опять к леднику.

— Ну, а если оставить ее? — повернулся к Сходову капитан.

— Кто же примет ребенка? — остановился Сходов.

— Женщина у вас есть на зимовке?

Сходов только махнул рукой.

— Есть девушка... вторая радистка. Нет, нет! Она совсем молоденькая. Она и слышать об этом не захочет. Понятия не имеет о родах.

Капитан снова задымил трубкой.

— Что Маша будет делать там, на Диком? Одна с малышом... В общежитии где-нибудь придется жить. Незавидно. А кроме того, может быть, зря поедет, ложная тревога?

— Я понимаю. Я все отлично понимаю, — ответил Сходов, принимаясь опять ходить по комнате.

— А кто это, высокий такой, около склада стоял? Механик, что ли? — спросил Борис Ефимович.

— К сожалению, не врач, только механик. Матвей Сергеевич.

— Женатый?

— Раньше он с женой на зимовке жил. А теперь она с ребенком на Большой Земле.

— Вот-вот, об этом я и вспоминаю. Кажется, она на острове родила?

— Так ведь то было на крупной полярной станции. У них врач был. Если бы врач... разве бы я возражал?

Капитан снова задумался.

— А все-таки, Василий Васильевич, давайте позовем Матвея Сергеевича и радистку.

Сходов пожал плечами и вышел. Вскоре он вернулся в сопровождении механика и девушки.

Капитан поздоровался с ними.

— Садитесь, поговорить бы с вами хотелось.

— Отчего же... — сказал Матвей Сергеевич и уселся, положив огромные ладони на расставленные колени.

Радистка тоже села, не понимая, зачем их позвал капитан. Сходов остановился у двери.

— Вы, говорят, механик замечательный? — начал капитан.

— Да нет... Я не судовой механик, товарищ капитан. На кораблях никогда не плавал.

— Знаю. Я не про то. Рукодел вы, наверное, знаменитый? — продолжал заходить издалека капитан.

— Отчего же... Это можно. Смастерить все что угодно могу. Я вот задумываю новый ветродвигатель построить... из бочек. Не слышали? Тут мой предшественник Анисимов делал.

— Как же, как же... слышал.

— Только нам теперь старого ветряка мощность мала.

— А без жены скучаете? — неожиданно спросил капитан.

— Без жены, конечно, скучновато... Только ведь я, товарищ капитан, старый полярник. Привычно.

— Ребенка-то она у вас в Арктике родила?

— Как же, при мне, на острове Газетном было.

— При вас? — оживился капитан. — Так что же молчите?

— Я ничего... А что? — смутился механик.

— Значит, вы принимали ребенка у своей жены? — продолжал расспрашивать капитан.

— Нет, что вы! Я только присутствовал.

— И это немало! — удовлетворенно заметил моряк и повернулся к удивленно слушавшей разговор радистке. — Ну, а вы? Вы никогда не принимали детей у рожениц?

Девушка покраснела от неожиданности.

— В этом совсем ничего не понимаю... — растерянно сказала она.

— Но ведь вы же женщина и подруга Маши. Неужели бы вы не взялись ей помочь?

— Маше? Я с радостью. А разве надо? Только я не умею...

— А вдвоем с механиком? Он все-таки при родах присутствовал.

— Я — помогать? — поразился Матвей Сергеевич, и его лицо вытянулось.

— Конечно, вы. Вы видели, как принимают ребенка. Девушка вам будет помогать, если Маше рожать придется. Получите по радио консультацию от любого врача или от профессора.

Механик был ошеломлен.

Сходов остановился перед ним и обычным своим сухим жестковатым голосом проговорил:

— Речь идет о человеческом отношении к товарищу. Вы прекрасный механик, мастер на все руки. Если вы не согласитесь, женщину отправят с острова, разлучат с мужем. И, может быть, зря. Ей придется год жить с ребенком одной, в трудных условиях, без работы, ради которой она ехала в Арктику.

— Да я-то тут при чем? — запротестовал Матвей Сергеевич, размахивая длинными руками. — А если вдруг несчастье? Кто будет виноват?

— Конечно, виноват буду я, — твердо сказал Сходов. — Мне спокойнее всего было бы отправить женщину. Формально я имею на это все права.

— Это будет ужасно, если она уедет, — сказала радистка.

— А если случай какой трудный? И в родильных домах умирают, — продолжал возражать механик.

— А бывает, что и в поле рожают, — заметил капитан.

— Конечно, может быть, и все хорошо будет, только я не могу на себя ответственность взять. На мужа, хоть и надежный он человек, тут надеяться нечего. По себе знаю. Руки трясутся и все тут. Девушка только таз будет подавать да пеленки развернет.

— Мы не принуждаем вас, Матвей Сергеевич, — сказал Сходов. — Мы хотим выяснить последнюю возможность и решить вопрос об отправке Грачевой на материк.

Механик задумался. Радистка что-то стала говорить ему, склонившись к уху. Тот нетерпеливо отмахнулся.

— Не могу я взяться за такое дело... И вообще... Если случай тяжелый... ножками вперед... Как хотите, но присылайте врача на самолете.

— К сожалению, — сказал Сходов, — далеко не всякий полярный остров может принять самолет. Тем более зимой. Во всяком случае, на посадку у нас самолета мы рассчитывать не можем.

— Механик прав, — вмешался капитан. — В очень трудном случае самолет, конечно, прилетит...

— Но не сядет!

— Не сядет, зато сбросит врача на парашюте.

— Вот это другое дело, — удовлетворенно сказал Матвей Сергеевич.

— Врач не сможет улететь обратно, — возразил Сходов. — Мы вынуждены будем отнять у острова Дикого одного врача, а мы знаем, как он там дорог.

— Да, конечно, на это можно пойти только в крайнем случае, — согласился капитан. — Но ведь у нас есть еще один аргумент... Все это только предположение!

— Предположение не предположение, — хмуро сказал механик, — а я должен считать, будто это так и есть. И потом характер у меня тяжелый. Надо сперва спросить, согласятся ли на мой характер супруги Грачевы.

— При чем же тут характер? — осведомился капитан.

— А потому, если я согласие даю, то должна Грачева поступить в мое подчинение. В полное распоряжение.

— Это зачем же? — спросил Сходов.

— Я должен обеспечить благоприятный исход и тут уж, простите, спуску не дам. Зимовка — дело известное. Движения никакого. Я потребую, чтобы все было как следует.

— Он прав, — заметил Сходов. — Сейчас мы позовем Грачевых.

Грачевы, узнав об условиях механика, согласны были на все.

Через час провожали капитана.

Катерок запрыгал на волнах, быстро уменьшаясь.

Все население полярной станции стояло на берегу: Сходов, Матвей Сергеевич, Грачевы, радистка. Около них возбужденно бегали собаки.

Налетели «снежные заряды». Катер скрылся за серой стеной.

Еще через час корабль снялся с якоря, дав прощальную ракету. Последний пароход уходил из Арктики.

Грачевы остались на острове.

Их предположение оправдалось. Механик включил молодую женщину в опекаемое им хозяйство. Он был сурово требователен. Маше пришлось заняться гимнастикой. Что бы ни делала Маша, Матвей Сергеевич всегда следил за ней настороженным взглядом. Когда она шла на метеоплощадку, он непременно шел за ней следом.

— Снегу намело. Вы поглядывайте под ноги, поглядывайте! Не зевайте по сторонам! — ворчал он.

Однажды Маша поскользнулась на крыльце. Муж хотел поддержать ее, но сделал это неловко.

Матвей Сергеевич налетел на него, как буря.

— А еще муж! — кричал он. — Пень ты, а не муж! Жена падает, а он, как табурет, стоит. А если ребенок перевернется, кто отвечать будет? О ребенке своем не думаете? Я вас отставлю от собственной жены и близко подпускать к ней не буду.

Супруги Грачевы постоянно чувствовали на себе гнет механика. Когда встречали Новый год, он не позволил Маше выпить ни капли. Она готова была разреваться, но все же подчинилась.

Ежедневно, в любую погоду, Матвей Сергеевич отправлялся с Машей на прогулку, поддерживая ее под локоть.

Эта пара, гуляющая под руку по снегу и в мороз и в метель, выглядела по меньшей мере странно.

— Гулять обязательно надо, — говорил Матвей Сергеевич, идя рядом с Машей. — Восемь кругов прошли, еще четырнадцать осталось. Ничего, ничего... Шагайте, шагайте, только не вздумайте падать.

Сходов молчаливо поддерживал Матвея Сергеевича.

— Он, право, смотрит на Машу, как на собственную... — иногда не выдерживал Грачев.

Но Маша сама обрывала мужа:

— Гриша! Мы так ему обязаны!

Приближалась весна. В апрельском солнце сверкали снежные просторы.

Теперь во время прогулок Матвей Сергеевич заставлял Машу надевать темные очки.

— Только не споткнитесь, — упрямо твердил он.

Капитан Борис Ефимович на время, пока не откроется арктическая навигация, получил задание перегнать пароход «Казань» из Архангельска во Владивосток. Предстояло пройти южным маршрутом: через Средиземное море, через Суэцкий канал, Индийский океан.

Было так жарко, что спать в каютах казалось невозможным.

На палубе расстилали брезент, и команда спала под едва освежающим тело теплым ветерком.

Капитан устроил себе постель на обзорном мостике. Над головой горели незнакомые южные звезды, каких не увидишь на Севере. Знакомые созвездия ютились на самом горизонте.

Скоро Индия, Калькутта.

Капитан ждал радиограммы.

Однажды он услышал, как на обзорный мостик кто-то поднимается по трапу.

Появился радист Иван Гурьянович, который ни в какую жару не снимал своего щегольского кителя.

— Радиограмма? Давай!

Чиркнув спичкой, капитан прочитал:

«Родился мальчик. Назвали Борисом. Счастливы. Благодарные Грачевы».

— Борис Ефимович, тут еще одна, — улыбающийся радист протянул бланк.

«Механик оказался на все руки. Сходов».

Капитан задумался. Ощущая ласкающее прикосновение теплого ветра, он думал о далеком Севере, о льдах, о заброшенных в ледовитых морях островах.

Скоро начнется навигация, и он вернется на свой корабль.